

# КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 304.2

## 50 ЛЕТ ПОСЛЕ ХРУЩЕВА

Представлены материалы круглого стола, который состоялся 17 апреля 2014 г. в Новосибирском государственном университете на пленарном заседании секции «История» в рамках Международной научной студенческой конференции. Обсуждались фундаментальные вопросы о причинах и предпосылках «оттепели», ее историческом значении и современных уроках. Отмечены недостаточная изученность данного периода, отсутствие фундаментальных исторических исследований, дискуссионность многих моментов истории «оттепели». Приоритетное внимание уделено политическим, экономическим и другим аспектам процесса «десталинизации». Анализировались противоречия политики Н.С. Хрущева, выраженные в ней прогрессивные и консервативные тенденции. Феномен «оттепели» демонстрирует определенную закономерность российской истории: либерализация режима приводила к ослаблению государственности, а стабилизация системы сопровождалась нарастанием авторитарных тенденций. По мнению ряда выступающих, рост зрелости российского социума дает надежду на позитивный выход из данного противоречия. В обсуждении приняли участие историки и экономисты: проф. И.С. Кузнецов (НГУ), проф. Г.И. Ханин, д-р ист. наук Н.Н. Аблажей (Ин-т истории СО РАН, НГУ), канд. ист. наук О.Н. Калинина (Ин-т истории СО РАН), проф. В.И. Исаев (Ин-т истории СО РАН), проф. С.А. Красильников (НГУ).

**Ключевые слова:** либерализация, номенклатура, «оттепель», послесталинская трансформация, Н.С. Хрущев, экономическая политика.

## 50 YEARS AFTER KHRUSHCHEV

The materials of the round table “Fifty years after N.S. Khrushchev” are presented. The round table took place on 17 April 2014 at Novosibirsk State University at the plenary session of the section “History” in the framework of the yearly International Student Scientific Conference. Fundamental questions were discussed of the reasons and prerequisites of “the thaw”, its historical significance and its lessons. It was noted that knowledge of this period is insufficient, as long as there is the absence of fundamental historical research, and the problems with understanding of many moments of the history of “the thaw”. Priority is given to political, economic, and other aspects of the process of “de-Stalinization”. The contradictions of the policy of N.S. Khrushchev are discussed which was expressed in its progressive along with conservative trends. The phenomenon of “the thaw” demonstrates certain regularities of the Russian history: the liberalization of the regime was weakening the state, and the stabilization of the state was accompanying by increasingly authoritarian tendencies. According to some speakers the growing maturity of the Russian society provides some hope for the positive outcome of this contradiction. The discussion was attended by the historians and economists: Professor Kuznetsov I.S. (Novosibirsk State University (NSU)); Professor G.I. Khanin; Dr. Sciences (History) N.N. Ablazhei (Inst. of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (IH SB RAS, NSU), Cand. of Sciences (History) O.N. Kalinina (Institute of History, RAS); Professor V.I. Isaev (IH SB RAS), Professor S.A. Krasilnikov (NSU).

**Key words:** liberalization, nomenclature, “the thaw”, the Post-Stalin transformation, N.S. Khrushchev, economic policy.

В апреле текущего года исполнилось 120 лет со дня рождения творца послесталинской «оттепели» – Никиты Хрущева, а в октябре будет 50 лет с момента его отстранения от власти. Это событие, вне всякого сомнения, на многие годы вперед определило вектор развития нашей страны, а его отдаленные последствия в определенной мере прослеживаются вплоть до наших дней. Каковы же причины «оттепели» и ее историческое значение, в чем заключаются ее современные уроки – эти вопросы обсуждались в ходе круглого стола «50 лет после Хрущева». Он состоялся в НГУ на пленарном заседании секции «История» в рамках Международной научной студенческой конференции. Проведение такого рода мероприятий становится регулярным: в 2013 г. обсуждалась актуальная и острая тема «60 лет без Сталина» (развернутая стенограмма этой дискуссии опубликована в журнале «Идеи и идеалы» (2013, № 4(18), т. 1, с. 16–38). В круглом столе приняли участие известные ученые, а также научная молодежь.

С вводным докладом выступил доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории НГУ **Иван Семенович Кузнецов**. Он прежде всего подчеркнул недостаточную изученность феномена «оттепели», отсутствие фундаментальных исторических исследований на данную тему. Этому, на первый взгляд, противоречит обилие публикаций о деятельности Н.С. Хрущева, изучение которой первоначально активно разворачивалось главным образом в зарубежной советологии. Наиболее содержательным из данного круга является книга американского автора Уильяма Таубмана (Таубман У. Хрущев / пер. с англ. М., 2005). Сейчас рассматриваемая тема привлекает значительное внимание

и отечественных историков, чему способствует в первую очередь радикальное расширение в 1990-е гг. информационной, источниковой базы. В настоящее время опубликованы такие ключевые источники по теме, как доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности И.В. Сталина, материалы ряда пленумов ЦК КПСС. Из документальных публикаций приоритетное значение имеет трехтомное издание материалов Президиума ЦК КПСС. Информационные ресурсы значительно обогащены публикациями мемуаров самого Н.С. Хрущева и ряда «высокопоставленных» его современников.

Уже на рубеже 1980–1990-х гг. появились и первые отечественные исследования о Н.С. Хрущеве и «оттепели». В их ряду выделяется коллективная монография «XX съезд КПСС и его исторические реальности» (1991), подготовленная под руководством Н.А. Барсукова. В ней наряду с политическими процессами рассматриваются проблемы экономической и социальной политики, вопросы идеологии и культуры (всем этим аспектам посвящены специальные разделы книги). Характеризуя концептуальные ориентиры этого труда, следует иметь в виду, что он вышел в разгар горбачевской «перестройки» и в полной мере соответствовал преобладавшим в то время подходам («возрождение ленинских истоков», «очищение социализма от сталинских извращений» и т. д.). Естественно, в настоящее время такая идейно-методологическая парадигма вряд ли может нас удовлетворить. Тем не менее вплоть до настоящего времени эта публикация остается наиболее обобщающей работой по данной теме.

В ряду последующих трудов об «оттепели» наиболее обобщающий характер носит монография А.В. Пыжикова, из чис-

ла других исследований следует выделить работы Ю.В. Аксютин, Ю.В. Емельянова, Е.Ю. Зубковой, В.А. Козлова, В.А. Шестакова. Кроме того, необходимо отметить ряд публикаций, представляющих собой нечто среднее между историческим исследованием, публицистикой и мемуарами, из них наиболее содержательной является книга Н.А. Аджубея (внука Н.С. Хрущева) и Г.Х. Попова (одного из «прорабов перестройки»).

Тем не менее многие стороны «оттепели» пока не подверглись фундаментальному историческому изучению, особенно ее социально-экономические аспекты. Так, важнейшей управленческой реформе того периода – созданию совнархозов – не посвящено ни одной монографии как на общероссийском, так и на региональном материале. В такой историографической ситуации неудивительным является наличие дискуссионных суждений по многим проблемам хрущевского периода.

В выступлении И.С. Кузнецова приоритетное внимание уделялось причинам и предпосылкам «оттепели» и «десталинизации». Докладчик отметил, что первая версия по этому поводу была сформулирована руководством КПСС непосредственно в ходе «оттепели» и имела непрерываемый характер до конца советской эпохи. В официальных документах и выступлениях партийных «вождей» послесталинские преобразования преподносились как **закономерное проявление политики КПСС, «возвращение к ленинским принципам»**.

На Западе данная версия сразу же вызвала серьезные сомнения, одним из первых свидетельств чему стала статья А.Ф. Керенского «Народ и власть», появившаяся вскоре после XX съезда, а в нашей стране она впервые была опубликована в 1990 г. (см.:

Искусство кино. 1990. № 10). Напомним, что после своего политического фиаско в 1917 г. названный деятель до конца жизни внимательно анализировал общественные процессы в России. В статье убедительно говорилось о фальши антисталинских заявлений Н.С. Хрущева. Автор обосновывал вынужденный характер этого поворота в политике, объясняя его нараставшим народным недовольством.

В последующих советологических трудах широкое распространение получило объяснение «оттепели» **нараставшими противоречиями сталинского режима, даже его «кризисом» и народным недовольством**. Данная точка зрения проводится в обобщающих курсах Михаила Геллера и Александра Некрича, итальянского историка Джузеппе Боффы, в ряде публикаций российского историка Елены Зубковой. В современной отечественной историографии указанная версия является, пожалуй, доминирующей.

В качестве важнейшего проявления этого фактора говорится о «кризисе экономики ГУЛАГа», о массовом сопротивлении «спецконтингента» внутри лагерной системы. Это особенно прослеживается в документальном издании об «энергетическом ГУЛАГе» и в обширной статье Владимира Козлова (Заклученные на стройках коммунизма: ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов. М., 2008; Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 5–6).

Представляется, что все названные авторы в своем анализе гипертрофируют реальные общественно-исторические тенденции. Тоталитарная система, имевшая, раз-

умеется, объективные границы своего развития, к концу сталинского периода была еще вполне жизнеспособным организмом. Во всяком случае, для большинства современников сложившиеся порядки представлялись закономерными и достаточно эффективными, что доказывалось – в их представлении – победой в войне и успешным послевоенным восстановлением. Трудности же и противоречия советского режима воспринимались преимущественно как «отдельные недостатки», а отнюдь не пороки всей системы.

Конечно, массовые недовольства оказывали определенное воздействие на политику властвующей элиты, но лишь косвенно и опосредованно; народ же в то время в основном «безмолвствовал». Исключением стали массовые выступления узников ГУЛАГа в 1953–1955 гг., что бесспорно ускорило переход к массовому освобождению политических заключенных. Прямые же выступления против произвола, в защиту своих прав (вроде событий 1962 г. в Новочеркасске) были все же весьма редким явлением и вряд ли могли стать решающим фактором для динамики политических процессов.

Другая распространенная версия объясняет «оттепель» **закономерными изменениями в менталитете властвующей элиты**. Здесь прослеживаются два подхода; начало первого из них положено знаменитой работой Милована Джиласа «Новый класс». Согласно его трактовке, «оттепель» отражала новый этап в эволюции номенклатуры, когда основным ориентиром данной страны стало стремление к стабилизации своего положения, это предполагало прежде всего прекращение репрессий. В свою очередь, в книге Олега Хлевнюка и Йорама Горлицкого «Холодный мир: Сталин и заверше-

ние сталинской диктатуры» (М., 2011) доказывается, что в позднесталинский период происходил латентный процесс «олигархизации» властного механизма, в результате чего после смерти Сталина началось своего рода возвращение к олигархическому правлению по модели 1920-х гг., тем самым наблюдался циклический ход советской истории.

Докладчик подчеркнул, что обе наиболее распространенные сейчас версии «оттепели» в некоторой степени **позволяют понять предпосылки либерализации режима в этот период, но не объясняют причин «десталинизации»**. Ведь последующий исторический опыт, в частности Китая, показывает, что отказ от крайностей тоталитаризма не обязательно требует «развенчания вождя». Нередко инициативу Н.С. Хрущева по разоблачению культа личности Сталина объясняют его личными интересами, прежде всего стремлением для упрочения собственной власти дискредитировать своих политических конкурентов как «соучастников сталинских преступлений». Пожалуй, последовательнее всего указанная версия проводилась в письме В.М. Молотова. Этот огромный текст (наверное, вообще самый обширный политический документ данного периода) был направлен в ЦК КПСС в 1964 г., а опубликован лишь недавно, на протяжении 2011 г. он печатался в журнале «Вопросы истории». Из числа же современных исторических исследований наиболее последовательно приведенная выше версия отражена в работах Юрия Емельянова, например в книге «Хрущев: смутян в Кремле» (М., 2005).

Как бы то ни было, анализ всех объяснений «оттепели» позволяет предположить ограниченность ее социальных предпосы-

лок. В таком контексте постсталинские реформы заведомо приобретали неглубокий и непоследовательный характер, тем более что они осуществлялись в атмосфере острой борьбы за власть, а это обстоятельство в существенной мере сказывалось на их динамике.

**В оценке «оттепели» и ее главного «героя» Н.С. Хрущева прослеживаются три основных подхода.** Наиболее распространенная оценка, своего рода «общее место» либерально-демократической историографии и публицистики, заключается в следующем: в период «оттепели» осуществлялся исторически назревший и прогрессивный процесс преодоления наиболее одиозных черт тоталитаризма. С этой точки зрения Н.С. Хрущев, несмотря на всю его противоречивость, в целом оценивается позитивно.

В свою очередь, некоторые авторы считают основным содержанием и результатом «оттепели» усиление роли номенклатуры, «партийной олигархии». С данной точки зрения определенная либерализация режима явилась лишь «побочным результатом» реализации групповых интересов данного слоя, своего рода «костю», брошенной народу. При этом утверждение всевластия номенклатуры стало результатом отсекающей более прогрессивной исторической альтернативы, в таком контексте «оттепель» рассматривается как время упущенных возможностей, утерянных шансов.

В целом же, согласно концепции о номенклатурном характере «оттепели», утверждение гегемонии «партократии» не только обусловило ограниченный характер реформ, но и заблокировало их дальнейшее продолжение и углубление. Это открыло путь к «застою», поскольку сталинская машина принуждения оказалась де-

монтирована, а новые эффективные стимулы для развития экономики так и не созданы. Более того, принимая во внимание вектор развития номенклатуры, постсталинская социально-политическая трансформация в какой-то мере проложила дорогу к «капиталистической революции» 1990-х гг. Освободившись от сталинского диктата, она превращается в самодостаточную силу, шаг за шагом осуществляет «фактическую приватизацию», что в конце концов ставит в повестку дня и вопрос о легитимации латентного процесса захвата государственной собственности.

Наконец, в национал-фундаменталистской литературе, а теперь в немалой степени и в некоммунистической публицистике (КПРФ), «оттепель» рассматривается как начало разрушения «социалистических основ» и подрыва нашей государственности, а Н.С. Хрущев – как безответственный политикан, карьерист и самодур, а то и «предатель», «агент мировой закулисы». Так, известный исторический публицист В. Бушков утверждает: Хрущев до такой степени развалил всю страну, что возникает мысль о подтакивании его деятельности со стороны США.

Дискуссию продолжил доктор экономических наук профессор **Григорий Исаакович Ханин**, который сосредоточился на анализе экономических аспектов «оттепели». Прежде всего он подчеркнул, что роль Н.С. Хрущева в развитии советской экономики в исторической литературе осмыслена недостаточно. Дело прежде всего в слабом осмыслении советской экономической истории вообще, реальной роли отдельных институтов и личностей в ее функционировании. Важное значение имеет и характер личности Хрущева, его образовательный и интеллектуальный уро-

вень. Наиболее объективную характеристику этого исторического персонажа дал американский историк Уильям Таубман, но как раз об экономике он пишет мало и плохо. Г.И. Ханин отметил: «Мне тоже не все здесь известно и понятно. Скажу о том, что изучил и понял при написании экономической истории СССР, в первом томе которой анализируется период с конца 1930-х гг. до 1986 г., включая период правления Хрущева».

Далее было подчеркнуто, что Хрущев в своей экономической деятельности, особенно в первый период своего правления, опирался на созданный в 1930–1940-х гг. под руководством Сталина материальный, интеллектуальный и организационный потенциал и соответствующие управленческие структуры. Он относительно удачно реформировал их, когда они явно стали излишними (лагеря, «шарашки», массовый террор) с точки зрения самой системы. Намного менее удачно такого рода реформы осуществлялись в остальных случаях. При этом ослабление «системы страха» не компенсировалось в достаточной степени другими видами контроля и ответственности за результаты хозяйственной деятельности.

По оценке Г.И. Ханина, можно выделить определенные периоды в экономической политике Хрущева: 1953–1957, 1958–1962 и 1963–1964 гг. В первый период она носила преимущественно положительный характер, когда решения принимались достаточно осмотрительно с учетом мнений других членов коллективного руководства и специалистов. Во второй период, после устранения «антипартийной группы», экономическая политика приобрела преимущественно волюнтаристский характер. В третий же период пришлось исправлять многие ошибки второго периода.

В области макроструктурной политики наибольшее значение имела величина военных расходов. Руководство СССР со времен Сталина рассматривало их как средство обеспечения оборонной безопасности и расширения позиций социализма в мире. Учитывая огромное экономическое отставание социалистического лагеря от капиталистического, в СССР доля военных расходов в ВВП была огромной. Но она заметно уменьшилась после смерти Сталина, затем снова выросла в 1958–1963 гг. и снизилась в 1964 г.

После 1953 г. значительно вырос объем потребительских расходов населения и его доля в ВВП (включая жилищное строительство). Но к концу 1950-х гг. выяснилось, что они превысили возможности экономики при сохранении больших военных расходов, что и замедляло научно-технический прогресс и рост производительности труда. В силу этого пришлось пойти на резкое снижение темпов роста уровня жизни населения.

В то же время очень активно менялась отраслевая структура продукции в пользу прогрессивных отраслей экономики и дефицитных потребительских товаров и услуг. В институциональной области в 1957–1960 гг. происходила известная децентрализация управления экономикой. Она привела к снижению эффективности экономики и дезорганизации управления. Поэтому после 1960 г. пришлось пойти на частичную рецентрализацию экономики. В целом же Хрущев безуспешно пытался вырваться из сталинской экономической модели, но раз за разом убеждался в отсутствии альтернативы ей. При этом у него начисто отсутствовало понимание статистики и негативного влияния ее искажений на планирование и управление экономикой.

Подбор людей для управления экономикой был чаще всего ошибочен. Теоретическими вопросами экономики Хрущев не интересовался и полагался в этом отношении на своих советников. Он руководствовался своим жизненным опытом и советами своих коллег и помощников.

В целом экономические результаты хрущевского правления были негативными. Так, среднегодовые темпы прироста национального дохода снизились с очень высоких (7,2 % в 1951–1960 гг.) до умеренных (4,4 % в 1961–1965 гг.). Это же относится и к показателям эффективности. Так, среднегодовые темпы роста производительности снизились с 5 % в 1951–1960 гг. до 3,4 % в 1961–1965 гг. Если в первый период фондотдача выросла на 17 %, то во второй – снизилась на 7 %. Материалоемкость национального дохода в первый период снизилась на 5 %, во второй – выросла на 2 %. Для определения разницы в динамике национального дохода между пятой и шестой пятилетками можно воспользоваться динамикой производства электроэнергии с примерно совпадающими по тенденциям с динамикой национального дохода: в 1951–1955 гг. производство электроэнергии выросло на 87,7 %, а в 1956–1960 гг. – на 71,7 %.

Ухудшалось качество продукции. В седьмой пятилетке заметно выросла дефицитность потребительских товаров из-за товарно-денежной несбалансированности и негибкой системы розничных цен. Замедлялся научно-технический прогресс, особенно в гражданской экономике. В какой-то степени все эти негативные явления были связаны с объективными факторами. К ним можно отнести уменьшение роли репараций, смену поколений в науке (от дореволюционной и 1920-х гг. до ме-

нее квалифицированной и честной советской). Но и допущенные ошибки в экономической и научно-технической политике имели большое негативное влияние на развитие экономики. Помимо упомянутого выше, сюда можно отнести чрезмерные усилия по сдвигу народного хозяйства на восток, где зачастую для этого были худшие экономические условия.

В итоге своего анализа Г.И. Ханин пришел к выводу, что в определенной мере все это повторилось в наше время: в начале горбачевской «перестройки» была сделана попытка отказаться от «сталинского механизма» (централизованного управления экономикой), последствия этого очевидны.

Затем слово взяла кандидат исторических наук, сотрудник Института истории СО РАН **Ольга Николаевна Калинина**, которая основное внимание уделила эволюционированию в период «оттепели» номенклатурного слоя советского общества. Она подчеркнула, что хрущевские преобразования осуществлялись при поддержке подавляющей части номенклатуры, т. е. функционеров партийных, государственных, хозяйственных, военных и других структур. Согласно распространенной трактовке, идущей от Льва Троцкого и Милована Джиласа, именно этот слой и составлял новую господствующую stratum «социалистического» общества. Наличие такой социальной базы, собственно, и обеспечило относительно безболезненное осуществление «оттепели» и «десталинизации», поскольку названная социальная группа была кровно заинтересована в устранении крайностей тоталитарной системы и прежде всего – в прекращении массовых репрессий.

О.Н. Калинина отметила: В.О. Ключевскому принадлежит высказывание: «Го-

сударству служат худшие люди, а лучшие – только худшими своими свойствами» (Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 388). Этот пассаж относится и к нашему советскому прошлому и во многом к современности. По оценке О.Н. Калинин, номенклатурная система руководящих кадров в СССР в ее логически завершенном виде представляла собой систему, в которой политические элиты выходили из рядов номенклатуры, были ее органической частью. Поскольку политика прева-лировала над остальными сферами общественной жизни, именно связь партии и элиты имела решающее значение; номенклатура же стала конкретной формой этой связи. Поэтому наиболее точным будет определение политической элиты СССР как номенклатурной по характеру, принципам формирования и функционирования. Но вхождение в номенклатуру еще не означало автоматического вхождения в элиту. Номенклатура включала два уровня – элиту (центральную и региональную) и наиболее массовый слой управленцев-бюрократов.

Большинство исследователей отмечают, что в годы «оттепели» положение региональной номенклатуры (в первую очередь партийной) в системе власти укрепилось. Действительно, главным вектором трансформации региональной номенклатуры данного периода стала ее борьба за наиболее прочное и устойчивое положение во внутриэлитной иерархии. Вследствие многочисленных реформаторских экспериментов Н.С. Хрущева положение региональных властей оставалось неустойчивым, а их деятельность, как и в предшествующий период, зависела от проводимого высшим руководством страны курса. Об этом свидетельствует тот факт, что наиболее массовая смена первых секретарей в регионах произошла

в конце 1950-х – начале 1960-х гг. (в 8 из 11 регионов Сибири).

В «хрущевской оттепели» можно выделить два ключевых периода: стабилизации и укрепления положения региональной номенклатуры (1953–1957 гг.); нестабильности и внутриэлитной борьбы (1958–1964 гг.). Первый период (относительной стабильности) связан с тем, что в эти годы региональное партийное руководство (в лице первых секретарей), поддержав в борьбе Н.С. Хрущева, получило взамен гарантии стабильности своего положения и обрело некоторые атрибуты «элиты». Одновременно расширились полномочия региональных управленческих структур в решении социально-экономических и кадровых вопросов. Так, по мнению некоторых авторов, доклад Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС (1956 г.) являлся не чем иным как проектом «политического социального контракта», условия которого были подтверждены в 1957 г. после разгрома антипартийной группы. На наш взгляд, важнейшими факторами изменений стали менталитет и корпоративная консолидация номенклатуры, стремившейся закрепить свой новый объем властных ресурсов и преференций, что способствовало активизации ее последующей борьбы за свои групповые интересы.

Главным содержанием второго этапа (1957–1964 гг.) стал развернувшийся внутриэлитный конфликт между высшим руководством страны в лице Н.С. Хрущева и региональной номенклатурой (партийные руководители республик, краев, областей). Политические завоевания номенклатуры были поставлены под сомнение хрущевским реформаторством. Именно в это время происходит обновление регионального корпуса первых секретарей, причем



важную роль стал играть фактор того, насколько успешно, по мнению руководства страны, секретари обкомов справлялись с решением народно-хозяйственных задач (эффективность управления, хотя опять-таки оценивалась она не всегда объективно). Значительное число региональных руководителей лишилось своих постов с формулировкой «как не обеспечивших руководство», в том числе в Сибири.

Наряду с этим также вполне очевидна смена социально-политических приоритетов – от поддержки партийной и советской номенклатуры к мероприятиям по ограничению их влияния (совнархозовская реформа 1957 г., разделение партийных и советских органов по производственному принципу, введение принципа ротации кадров). Это диктовалось необходимостью преодоления негативных последствий сложившихся номенклатурных практик (формирование внутриэлитных кланов, низкая вертикальная мобильность) и в целом придания большего динамизма управленческой деятельности на местах.

Н.С. Хрущев был убежден, что «делом должны командовать специалисты», поэтому повышение эффективности управления усматривалось им в смене поколений руководителей. В свое время Сталин сформировал слой управленцев под себя. Так и сейчас Хрущев, хорошо освоивший сталинскую школу и не имея пред собой каких-либо других императивов, пошел по такому же пути. Но если раньше этот вопрос решался при помощи репрессивных мер, то с наступлением «оттепели» главными критериями регулирования социально-профессионального состава становятся образовательный уровень и возрастная характеристика. Происходит смена основных критериев отбора (с идеолого-

политических на профессиональные) в номенклатуру, что в последующем способствовало постепенной трансформации сталинского типа управленца-исполнителя в технократа-управленца времен «оттепели» и в конечном итоге изменению в том числе и личностных качеств номенклатуры.

Данный вывод подтверждается и сибирскими материалами. Во-первых, происходит ее обновление за счет выдвижения молодых кадров (до 40 лет). Хотя опять-таки возраст партийных и советских руководителей регионов Западной Сибири (секретарей, председателей) на 1962 г. составлял 46–50 лет. Приток молодых работников (в возрасте 31–35 лет) наблюдается лишь на местном уровне – городском и районном. Но это не касалось ключевых должностей – первых секретарей и председателей, средний возраст которых составлял 41–45 лет. Другая тенденция заключалась в том, что с середины 1950-х гг. активно шел процесс замещения работников функционерами с военным и послевоенным партстажем. Ко второй половине 1960-х гг. завершается процесс комплектования номенклатуры специалистами с высшим образованием. Важно отметить, что повышение образовательного уровня было связано с тем, что многие получали партийно-политическое образование по линии областных партшкол, которые в это время также реформировались. Таким образом, мы видим, что происходило обновление региональной и местной номенклатуры, но оно шло медленнее, чем желало высшее руководство, поскольку номенклатура сопротивлялась изменениям.

В целом же итоговым результатом формирования «новых правил игры» после отстранения Хрущева от власти в 1964 г. стало формирование новой модификации со-

ветской политической системы — модели «партийного государства» и нового типа номенклатурной элиты. В данной конфигурации политико-властных отношений верховная власть не только лишилась всех инструментов (кадровые и организационные перетряски и пр.), с помощью которых могла сподвигнуть своих «служилых людей» на решение сверхзадач и служение в интересах общества. В результате происходит укрепление внутренней сплоченности внутрикорпоративных связей, а также существенное замедление темпов циркуляции и ротации номенклатуры. Отмеченные тенденции имели важные последствия в долгосрочном плане, поскольку угроза «кадровой революции» сдерживала политическую элиту страны от проведения социально-экономических реформ, провоцируя назревание кризисной ситуации в обществе. Все это позволяет сделать главный вывод: элита всегда должна оставаться открытой к изменениям и находиться в состоянии трансформации, только в этом случае она может выполнять возложенные на нее функции и быть адекватна потребностям общества.

Продолжил дискуссию сотрудник Института истории СО РАН доктор исторических наук **Виктор Иванович Исаев**. Он предложил перевести обсуждение периода реформ Н.С. Хрущева в более широкую плоскость, а именно поставить вопрос о принципиальной возможности в целом реформирования той системы, которая досталась нашей стране и Хрущеву после смерти Сталина. В его интерпретации для удобства понимания ту модель общества, которую в нашей стране построила партия большевиков, можно назвать сталинской системой социализма, хотя сам термин глубоко неоднозначен. Есть большие

сомнения, которые давно уже высказывали социал-демократические партии Запада, что эта система достойна называться социализмом. Называть ее только сталинской тоже не вполне корректно, ответственность за ее создание разделяют Маркс и Ленин; Маркс, пожалуй, в меньшей степени, зато Ленин является по существу соавтором проекта, который реализовал Сталин.

Несмотря на широко распространенное в современном российском обществе чувство ностальгии по советскому прошлому (причины этого явления мы сейчас оставим за границами нашего обсуждения), все-таки у значительной части населения, а тем более у историков и специалистов в смежных областях общественных наук, сложилось понимание того, что печальный финал сталинской системы социализма, состоявшийся не только в нашей стране, но и в странах Восточной Европы, был неизбежен.

Многие до сих пор сохранившиеся приверженцы сталинской модели называют Хрущева первым изменником, который начал разрушение этой системы. Об этом уже упоминал в своем выступлении Иван Семенович, назвав Хрущева предшественником горбачевской «перестройки». Но на самом деле Хрущев пытался ее (систему) спасти, освободив от наиболее одиозных негативных черт сталинизма. Однако всерьез реформировать экономическое и политическое устройство общества Хрущев, как и вся правившая тогда элита, просто были не способны.

Здесь нужно попытаться представить тот интеллектуальный и нравственный уровень хрущевской номенклатурной элиты, которая в своем большинстве сложилась во времена Сталина. Это были в значительной части послушные исполнители-

приспособленцы с весьма ограниченным кругозором, они были не готовы к объективному анализу окружающей их действительности.

Мышление Хрущева и его окружения было заперто в узком круге идеологических догм так называемого марксизма-ленинизма, целиком унаследованных от сталинской эпохи. Можно вспомнить, например, как описывает в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев визит в США в 1959 г. С одной стороны, он увидел в США много интересного и полезного, что пытался перенести и в советскую действительность. Но, с другой стороны, Хрущев не устает повторять, что все, с кем он встречался, это капиталисты, а значит, люди из враждебного, неправильного мира, которые по определению являются приверженцами эксплуатации человека человеком, думают лишь об увеличении собственных прибылей и т. д.

Догматизм и слепая вера во внушенные мощной пропагандистской машиной советского государства идеалы социализма обусловили такое состояние общественного сознания, когда любое принципиальное изменение сталинской модели общества казалось отступлением от принципов социализма, граничащим с предательством. Хрущевской номенклатуре, как и подавляющему большинству советских граждан, окружающий мир представлялся с манихейских позиций, т. е. жестко разделенным на коммунизм и капитализм, о попытке какого-либо синтеза даже не могло быть речи. Поэтому неуспех «оттепели» (точнее, хрущевских реформ) был предрешен тем, что идеологические догмы были красными флажками, за которые Хрущев и его окружение не могли выпрыгнуть.

По большому счету, хрущевские реформы изначально были попытками со-

хранить сталинскую систему без Сталина. Но это оказалось невозможно. Оставшись без своего основателя и вождя, система начала деградировать. Деградировали, прежде всего, ее главные движущие механизмы. Следует вспомнить, что опорными столпами сталинской модели выступали полурелигиозная вера в коммунистическое учение и страх наказания за малейшее отступление от него, поддерживаемый системой жесткого тоталитарного контроля над обществом со стороны партии и органов госбезопасности, периодическим развертыванием массовых репрессий. После объявления сталинских репрессий преступлениями, которые сама же партия, их совершившая, осудила, страх постепенно уходил из общества. В своем выступлении Ольга Николаевна как раз отметила, что именно отсутствие страха перед репрессиями у номенклатуры способствовало развитию так называемых застойных явлений в советском обществе.

Простые люди в своем большинстве также постепенно привыкали жить без страха репрессий. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что в советском обществе именно во времена Хрущева в большом количестве появились и открыто рассказывались политические анекдоты, в которых высмеивались идеологические догмы, партийные вожди. Отношение к Хрущеву тоже было весьма насмешливым и скептическим.

Хрущев пытался возродить веру в коммунистическое учение о светлом будущем разработкой и принятием новой Программы КПСС, которая обещала, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Но общество уже изменилось, люди в большей степени были заняты своими реальными проблемами; они

были уже не склонны верить обещаниям правившей партии, тем более что многое из уже обещанного на практике выглядело иначе (например, обещанная во времена коллективизации богатая жизнь в колхозах).

Таким образом, размывались главные опоры сталинской системы, она неизбежно должна была начать деградировать, хотя предпринимались всяческие попытки, иногда небезуспешные, подтолкнуть ее к прогрессу. Но в сталинской модели социализма отсутствовали механизмы эволюции, саморазвития, она была не способна к прогрессу. И это проявлялось прежде всего в экономике, о чем достаточно подробно рассказал нам Григорий Исаакович.

Безусловным достижением хрущевского периода является повышение материального уровня жизни народа, что иногда называют даже революцией в потреблении. Но вместо придания новой жизненной энергии сталинской модели социализма потребительская революция парадоксальным образом способствовала ее деградации.

Действительно, переселение из бараков и коммуналок в отдельные квартиры, которые сегодня пренебрежительно именуются «хрущобами», появление в семейном быту стиральных машин и другой бытовой техники, радиоприемников и телевизоров — все это радикально изменило мироощущение людей. Можно напомнить, что в городах Сибири средние показатели обеспеченности жилплощадью с двух-трех квадратных метров на человека в начале хрущевского периода возросли к началу 1960-х гг. до шести квадратных метров, приблизившись к средним показателям по городам РСФСР.

В новых условиях вместо ориентации на далекое светлое будущее и идеалы ком-

мунизма у людей возобладали так называемые потребительские, или, как тогда говорили, мещанские интересы. Сравнение потребительских стандартов советского и западного мира также работало не в пользу социализма. В значительной мере оправдались прогнозы западных советологов (Р. Арона, Д. Белла, З. Бжезинского и др.) о том, что по мере возрастания уровня жизни людей сталинская модель общества будет терять свои главные движущие стимулы и в конечном итоге будет отвергнута самим же обществом, ее породившим.

Этот тезис, кстати, возвращает нас к вопросу о том, какие силы разрушили социализм и СССР. Теории заговора, внешнего воздействия, столь популярные до сих пор в современном российском дискурсе, оказываются несостоятельными на фоне очевидных изменений повседневной жизни людей и их менталитета.

Ощущение надвигавшегося кризиса, а в перспективе, возможно, и краха сталинской модели социализма, заставляло всех советских руководителей предпринимать попытки реформ. Хрущев был лишь первым в этом ряду, вслед за ним реформы пытались проводить Брежнев с Косыгиным, затем Андропов и, наконец, Горбачев.

Нелишне отметить, что горбачевская перестройка во многом осуществлялась по сценарию «хрущевской оттепели»: в ее начале разворачивалась резкая критика сталинизма, последовала попытка отделить от Сталина и спасти «ленинское наследство», звучали заверения и клятвы в верности идеалам социализма. Но постепенно в советское общество приходило осознание того, что сталинская система в принципе не реформируема. Как лаконично и остроумно говорилось в опубликованном тогда в журнале «Новый мир» стихотворении одного

из поэтов ныне уже не существующей страны ГДР, «социализм – это очень правильная и замечательная система. Но вот люди все портят, они почему-то не подходят для этой системы».

Заканчивая свое выступление, я хотел бы поставить вопрос: как оценивать нам сегодня деятельность Н.С. Хрущева, его «хрущевскую оттепель»? Мне думается, надо все-таки, несмотря на все ошибки и неудачи, с уважением отнестись к попытке Хрущева внести в забюрократизированное, «замороженное» сталинское общество начала демократии, заставить экономику работать на благо народа, а не только на военно-политическую мощь государства. Вместе с тем эта попытка реформирования сталинского социализма с самого начала была обречена на неудачу, об этом я и постарался сказать в своем выступлении. Можно также отметить, что значение этого исторического опыта реформ актуально и для современного российского общества, в котором многие проблемы и болезни советского прошлого воспроизводятся в новом облики.

В свою очередь, доктор исторических наук профессор **Сергей Александрович Красильников** отметил, что одним из ключевых аспектов при характеристике постсталинской «оттепели», уже обозначенным в дискуссии, явился демонтаж репрессивных механизмов. В частности, требует изучения феномен освобождения, рассматриваемый в нескольких измерениях. В самом широком контексте речь может идти об освобождении социума и личности от подсистемы страха. И здесь речь идет о процессах поведенческих и мировоззренческих, даже в большей степени именно о мировоззренческих сдвигах. Это глубокое и сложное состояние перехода от несвободы к свободе, с этим связано преодоление

стереотипов мышления и поведения, сформированных почти тремя десятилетиями сталинского правления. И этот процесс, условно названный как десталинизация, сохраняет свою актуальность сегодня.

Если говорить об освобождении от подсистемы принуждения и насилия (ГУЛАГ), то демонтаж значительной, основной ее части имеет более четкие очертания и связан с массовым освобождением так называемого спецконтингента из мест заключения и из спецпоселений после смерти Сталина. В трудах историков (В.Н. Земсков, Н. Верт и др.) приводятся достаточно надежные статистические данные о сети спецпоселений и лагерей, тюрем и колоний на начало 1953 г. К концу сталинской эпохи в спецпоселках находились высланные и ссыльные 33 учетных категорий общей численностью примерно 2,8 млн чел. За период существования массовой системы спецпоселений (четверть века – 1930–1955 гг.) через нее прошло более 6 млн чел. Пестрота учетных категорий тем не менее позволяет выделить из них две базовые – ссыльные крестьяне (ок. 3 млн) и этнические ссыльные (более 3 млн). Периодические «разгрузки» спецпоселений компенсировались новыми пополнениями, в том числе не только посредством социальных и этнических «чисток», но и за счет так называемых указников (маргинальных элементов города и деревни).

На момент смерти Сталина в местах лишения свободы находилось примерно 2,5 млн чел. При этом, в отличие от привычных представлений о ГУЛАГе, основной контингент з/к формировался за счет криминализации мелких правонарушений: хищений с предприятий и колхозов, спекуляции, бытового хулиганства, административных правонарушений и т. д.

Система ГУЛАГа находилась в глубоком кризисе, все более проявлялась неэффективность и трудозатратность спецконтингента. Так называемые великие стройки коммунизма (гидротехнические сооружения – ГЭС и каналы, транспортные магистрали и др.) обеспечивались трудом з/к, труд которых, изначально не будучи мотивированным и производительным, являлся ярко выраженным затратным, неэффективным. Тратились громадные производственные расходы на содержание аппарата охраны (из расчета один сотрудник на 8-9 заключенных), в ГУЛАГе охранный корпус составлял до 300 тыс. сотрудников МВД. Если к этому прибавить членов их семей, то получится, что 2 млн з/к обеспечивали содержание примерно 1 млн чел., практически не занятых производительным трудом.

Радикальный выход из ситуации виделся руководству силовых ведомств в своеобразной «разгрузке» лагерей и колоний от той части спецконтингента, которые были осуждены на небольшие сроки, не представляли социальной опасности, а также от несовершеннолетних, нетрудоспособных, женщин, имеющих детей, и т. д. На это нацеливалась знаменитая амнистия 27 марта 1953 г., связанная с именем Л.П. Берии – инициатора данной амнистии. Она проводилась форсированно (по меркам того времени – примерно за 3-4 месяца) и затронула почти 60 % лагерного контингента.

Освобождение и выход на свободу около 1,3 млн чел. привели к ожидавшимся социальным последствиям – в городах и пригородах серьезно дестабилизировалось положение в сфере порядка и безопасности: участились нападения, грабежи, кражи и т. д. Так, из колоний Московской области в апреле 1953 г. было освобождено

около 70 тыс. чел., столько же из колоний на Украине. В деревне найти работу было проще, в городах намного сложнее. Летом 1953 г. почти половина амнистированных (около 600 тыс.) оставалась без работы.

В то же время арест Берии 26 июня 1953 г. парадоксально сказался на начатой амнистии – она резко затормозилась и даже прямым образом сказалась на процессе расформирования системы спецпоселений: здесь процессы освобождения, еще не начавшись, были «заморожены» почти на целый год, в немалой степени потому, что синдром последствий массовой амнистии заключенных и негативной реакции населения был учтен руководством страны.

Важный фактор, придавший новый импульс освобождению, – это волнения заключенных в так называемых особых лагерях (амнистия на них не распространялась): с лета 1953 до лета 1954 г. произошло 40 бунтов и крупных восстаний, в том числе в Норильске (14 тыс. чел.), Воркуте (12 тыс.), Караганде (8 тыс.). С 1954 г. началась подготовка и проведение амнистии осужденных по 58-й ст. УК РСФСР – их в лагерях на тот момент насчитывалось около 500 тыс. Соответственно, между 1954 и 1956 гг. произошло основное их освобождение. В 1955 г. фактически амнистия коснулась тех, кто осуждался по данной статье в годы войны за сотрудничество с немцами, власовцев и др. Тогда же это коснулось и бывших советских военнопленных.

Массовое освобождение спецконтингента породило целый комплекс проблем, связанных с социальной и профессиональной адаптацией «бывших» к условиям ординарного, нелагерного существования. Для них сохранялась масса ограничений и дискриминационных мер. При этом в резкой форме аналогичная проблема возник-

ла и у «силовиков», охранительных структур. Снижение более чем вдвое численности з/к привело к аналогичному сокращению штатного состава лагерей, колоний, тюрем, производственной и социально-культурной инфраструктуры мест заключения.

С предельной остротой социальные последствия вынужденного широкомасштабного демонтажа значительной части пенитенциарной системы сказывались прежде всего там, где десятилетиями формировались и действовали лагерно-производственные комплексы, насчитывавшие десятки тысяч з/к. Примечателен феномен Колымы. Трансформация некогда могущественной организации – треста «Дальстрой» в ординарную территориально-хозяйственную структуру в середине 1950-х гг. породила целый узел противоречий. В силу ряда причин в местах прежнего базирования лагерей остались как часть бывших з/к, так и тех, кто их охранял, друг против друга. Первые и так были маргиналами, другие, потеряв привилегированный статус, также частично маргинализировались. На этой основе в регионе широко распространилось девиантное поведение, убийства, суицидные действия, что нашло свое отражение в сухой медицинской и правоохранительной статистике по Магаданской области в 1955–1957 гг.

Таким образом, «невольное» и частично «вольное» население в ряде лагерно-спецпоселенческих анклавов по меньшей мере до конца 1950-х гг. словно зависло между состояниями «несвободы» и «свободы», продолжая жить в особом, деформированном режимном пространстве, наследуя сталинское прошлое. Оно проявляется вдруг в обостренных формах и сегодня. Так, в связи с изменением государственной

принадлежности Крыма вновь актуализировалась проблема незавершенной реабилитации крымских татар и других этносов, депортированных оттуда в 1944 г. в массовом масштабе (более 220 тыс. чел.). Крымским татарам, как и российским немцам, в послесталинский период был отрезан путь легального возвращения в места их исторического проживания. Крымско-татарский узел – это трагический посыл из сталинского прошлого, недорешенный и стыдливо замеченный «под ковер» хрущевским руководством, историческое напоминание о той «шпинели», которую примеряли и примеряют на себя с разным успехом руководители нашей страны.

Доктор исторических наук **Наталья Николаевна Аблажей** продолжила тему, затронутую проф. Красильниковым. После смерти Сталина власть начала демонтаж системы ГУЛАГа и ссылки. Но отказ от лагерей и поселений не был одномоментным. Освобождение каждой категории репрессированных сначала проходило через межведомственные согласования силовых министерств и прокуратуры, после чего санкционировалось на уровне ЦК КПСС. Только после такого решения освобождение «ошибочно осужденных» и «ошибочно высланных» становилось возможным. В поисках правды репрессированные обращались во все инстанции. ГУЛАГ родил сотни тысяч писем и ходатайств, адресованных руководителям страны, партии и силовых министерств, прокурорам и судьям. Когда и как власть ответила на эти «неудобные» вопросы? Ответ был дан только в середине 1950-х гг.: им стало массовое освобождение, а в некоторых случаях даже реабилитация, но при этом негласная и непубличная. Массовое освобождение из лагерей и ссылки «политических» пришлось на середи-

ну десятилетия и продолжались вплоть до конца 1950-х гг. В значительной степени их массовое освобождение стало возможным благодаря работе комиссий Прокуратуры–МВД–КГБ и комиссий Президиума Верховного Совета СССР, которые функционировали в 1954–1956 гг. и освободили полмиллиона человек. Эти комиссии были наделены правом принимать решение, минуя судебную систему. Если в 1930–1940-е гг. внесудебные «тройки» и Особое совещание осуждали, то в середине 1950-х гг. внесудебные комиссии отменяли прежние внесудебные репрессивные решения. Принцип «внесудебности» вновь стал доминирующим. Означало ли такое освобождение юридическую реабилитацию? Государство, скорее, применило к репрессированным за контрреволюционные преступления массовое помилование по аналогии с амнистией уголовного контингента в 1953 г. В середине 1950-х гг. полной реабилитации лиц, невинно осужденных, не произошло. Наглядно об этом говорят итоги работы комиссий Прокуратуры–МВД–КГБ. За сентябрь 1954 – март 1956 г. они пересмотрели дела на 337 тыс. чел., в отношении 153 тыс. чел. были приняты решения о прекращении дел, сокращении срока наказания, об освобождении из ссылки и амнистии. При этом реабилитировали чуть больше 14 тыс. чел. Осуждение же остальных почти 184 тыс. чел. было признано правильным. Принцип «негласности» позволил даже не объяснять бывшим узникам ГУЛАГа, кто же вынес решение об их освобождении. Но тема реабилитации все же неминуемо возникала после освобождения. Уже в 1960-е гг., на волне массовых обращений бывших осужденных и ссыльных, власть признала необходимость продолжить юридическую реабилитацию. Проку-

ратуре пришлось вновь активно включиться в работу по массовой реабилитации «политических», отправляя в верховные суды запросы на отмену репрессивных решений внесудебных инстанций. И даже эти долгожданные решения объявлялись заявителю исключительно кулуарно, в стенах МВД и КГБ. Реабилитация так и не стала публичной, да и не была завершена. Осудив культ личности Сталина и «пожурив» бывшее руководство МГБ, власть так и не взяла на себя политическую ответственность за введенные ею массовые репрессии.

Подводя итоги дискуссии, профессор **И.С. Кузнецов** еще раз обратил внимание на противоречивые исторические уроки «оттепели». Непоследовательность хрущевской политики, постоянные колебания политического курса между реформами и консерватизмом обусловили ограниченность послесталинской «либерализации», ее поверхностный и неглубокий характер. Тем не менее нет оснований для недооценки всех этих преобразований, поскольку было сделано главное – прекращен массовый государственный террор, развенчан непогрешимый «вождь народов». Все это имело глубокие последствия, разумеется весьма неоднозначные, для развития массового сознания, политической культуры российского социума.

По оценке И.С. Кузнецова, важнейший вопрос, вытекающий из истории хрущевского периода, заключается в следующем: можно ли вырваться из отмеченного «порочного круга» российской истории (авторитаризм или дезорганизация), или здесь имеет место своего рода исторический фатум? Конечный вывод сформулирован в духе сдержанного оптимизма: рост зрелости российского социума позволяет надеяться на выход с этой «наезженной колени».